

„Покрывало Пьеретты“.

Послѣ двухъ сомнительныхъ выступленій счастье, наконецъ, улыбнулось и «Свободному театру»: мимодрама Шницлера имѣла вчера если не полный, то, во всякомъ случаѣ, хорошій частичный успѣхъ.

Задача поставить такое произведеніе съ исполнителями, имѣющими къ музыкѣ только косвенное отношеніе, очень и очень нелегка. Въдѣ, музыка замѣняетъ здѣсь живую человѣческую рѣчь, и непривычному актеру приходится съ неунывающимъ вниманіемъ согласовать съ каждой музыкальной фразой какъ всѣ свои движенія, такъ и мимику лица.

Душой переживать нарастающія драматическія коллизіи, а слухомъ и волей напряженно слѣдить за ритмомъ аккомпанемента.

На это можно возразить, что на балетной сценѣ всѣ эти трудности давно побѣждены, и что артисты «Свободнаго театра» не дали ничего новаго.

Да, на балетныхъ подмосткахъ исключительно одаренные люди, въ родѣ г-жъ Гельперъ, Осодоровой и г. Мордкина, ярче и пластичнѣе передаютъ психологию изображаемыхъ лицъ, но и они не всегда свободны отъ той профессиональной стилизаціи, которая внушаетъ имъ еще на школьной скамьѣ. Всѣ же остальные этой стилизаціей, этой условностью только прикрываютъ отсутствіе индивидуальнаго творчества и щеголяютъ чувствомъ ритма, приобретаемымъ многотѣтными непрерывными упражненіями.

У актеровъ, исполнявшихъ пантомиму въ «Свободномъ театрѣ», было, конечно, много промаховъ, много случайнаго, но впечатлѣніе они все же произвели незаурядное.

Передъ началомъ спектакля оркестромъ была исполнена симфоническая поэма Р. Штрауса «Смерть и просвѣтленіе», красивая сама по себѣ и предназначенная дирекціей театра, вѣроятно, для того, чтобы подготовить въ зрителяхъ соответственное настроеніе.

Оркестръ, подъ управленіемъ г. Сарраджевъ, звучалъ увѣренно и красиво, но самый стиль музыки Штрауса совершенно разнороденъ со стилемъ Доницетти, музыкой котораго иллюстрирована самая мимодрама; потому и впечатлѣніе отъ каждой изъ прослушанныхъ вещей получилось совершенно обособленное.

Самой шницлеровской пантомимѣ зачѣмъ-то предпосланъ прологъ, сочиненный специально для «Свободнаго театра» Ю. К. Балтрушайтисомъ.

За толемымъ туманомъ на темномъ фонѣ выдѣляется блѣлая фигура Сивилы, предвѣщающей судьбу Пьеро и Пьеретты.

Монологъ написанъ прекрасными стихами, заключаетъ въ себѣ много умныхъ и глубокихъ мыслей, но безпощадно длиннѣе и, какъ штраусовская прелюдія, кажется какой-то лишней пристройкой къ зданію простой и стройной мимодрамы знаменитаго австріяка.

Первый актъ самой пьесы разыгрывается въ комнатѣ Пьеро. Все обтянуто безразличнымъ сѣрымъ сукномъ, и только въ глубинѣ большое матовое окно, напоминающее мапсарду. На тускломъ фонѣ отчетливо выдѣляются блѣлая фигури главныхъ персонажей и алая скатерть, которой они покрываютъ столъ.

Сначала Пьеро одинъ предается отчаянію: его возлюбленная Пьеретта вѣнчается противъ воли съ постылымъ Арлекиномъ.

Г. Кречетовъ (Пьеро) строенъ, молодъ и пластиченъ отъ природы, но отчаянію выходитъ у него холоднымъ и размѣреннымъ. Пожившіеся гости въ костюмахъ 20-хъ годовъ пытаются танцами развлечь страждущаго любовника и еще болѣе растравляютъ сердечную рану.

Эта сцена по замыслу и по группировкѣ фигуръ поставлена удачно, только самый танецъ исполняется петвердо и смахиваетъ на любительскій.

По уходѣ гостей является Пьеретта (г-жа Кооненъ) въ вѣпчальномъ нарядѣ и съ пузырькомъ яда въ рукѣ; она предлагаетъ милому умереть вмѣстѣ. Пьеро, послѣ нѣкотораго колебанія, соглашается на роковой исходъ.

Сцена отравленія Пьеро и внезапнаго малодушія Пьеретты—одна изъ лучшихъ въ пьесѣ. Исполнители провели ее съ большимъ подъемомъ.

Увѣренность въ роковую минуту и мужественная встрѣча смерти вполне соответствуютъ съ данными г. Кречетова, и онъ до конца выдерживаетъ красивый (если можно такъ выразиться) тонъ роли.

Г-жа Кооненъ играетъ менѣе ровно, грѣшитъ противъ ритма и женственной пластики, но зато мѣстами даетъ настоящіе трагическіе моменты.

Когда она пугается смерти и измѣняетъ слову вы ей не презираете, а понимаете и раздѣляете весь ужасъ юной женщины передъ непоправимымъ. Превосходно владѣетъ артистка ми-

микой лица; ея расширенные ужасомъ наивные глаза надолго останутся въ памяти зрителя.

Второй актъ—«Свадебный балъ у родителей Пьеретты». Стѣны, колонны, балюстрады, портьеры,—все окрашено въ тонъ стариннаго серебра. На широкихъ ступеняхъ, идущихъ въ глубь сцены, танцуетъ толпа гостей, разодѣтыхъ въ парчовые фраки и платья.

Общее впечатлѣніе отъ этого оригинальнаго красочнаго аккорда ново, богато и интересно; группировка и движенія людей облуманы и красивы. Тапцы въ этой картинѣ болѣе закончены и ритмичны, чѣмъ въ первой, хотя нѣкоторые исполнители по временамъ и сбиваются съ темпа.

Можно пожалѣть еще и о томъ, что серебряныя колонны пляшутъ вмѣстѣ съ гостями. Онѣ плохо прикрѣплены и раскачиваются отъ толчковъ танцоровъ.

На блестящемъ фонѣ бала выдѣляется черно-бархатная фигура Арлекина, который беспокоится объ исчезнувшей Пьереттѣ и начинаетъ испытывать муки ревности.

Изъ всѣхъ исполнителей мимодрамы одинъ г. Чабровъ вполне справился съ поставленной передъ нимъ задачей. Онъ не только безукоризненно ритмиченъ и увѣренъ въ движеніяхъ, но даже дерзокъ въ мимикѣ лица. Не будь его оскаленные зубы и злобно-страдальческія гримасы такъ жутки, они были бы смѣшны. По они именно жутки и заставляютъ вѣрить, что въ черномъ Арлекинѣ сидитъ если не самъ сатана, то, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ его присныхъ...

Долго длится мученіе Арлекина; гости, наконецъ, обращаютъ на него вниманіе, и это вызываетъ съ его стороны взрывъ. Онъ устраиваетъ вульгарный скандалъ, опрокидываетъ людей, ломаетъ музыкальные инструменты, но и при такихъ рискованныхъ выходкахъ держивается въ границахъ жутки.

Появляется растерянная, изнемогшая, потерявшая покрывало Пьеретта. Арлекинъ на нее набрасывается. Она, чтобы успокоить, танцуетъ съ нимъ польку.

Судорожными движеніями, съ лихорадочными глазами пляшетъ Пьеретта, и мерещится ей трупъ любимаго Пьеро...

Въ этомъ страшномъ танцѣ г-жа Кооненъ проявляетъ много настоящаго реального трагизма, захватывающаго публику... но въ то же время совсѣмъ забываетъ о музыкѣ и о связанной съ ней ритмичности движеній.

Князь Волконскій упалъ бы въ обморокъ отъ такого исполненія.

Въ послѣднемъ актѣ Арлекинъ приводитъ Пьеретту въ комнату Пьеро, къ его трупу, ругается надъ мертвымъ и, въ концѣ-концовъ, запираетъ съ нимъ несчастную женщину, которая, конечно, сходитъ съ ума и тоже умираетъ.

Пагромомъ жедеіе ужасовъ выше мѣры; потому и у актеровъ нехватаетъ средствъ воспріимать за нарастающей трагедіей; потому и послѣдній актъ производитъ менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ предыдущіе.

Публика была настроена сурово, такъ какъ спектакль, безъ предварительнаго предупрежденія, началъ подчасомъ поздно.

Но, начиная со второго акта, залъ оживился и сталъ дружно аплодировать.

СЕРГ. МАМОНТОВЪ.